

Хорхе Луис БОРХЕС

ВАВИЛОНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Мироздание /которое иногда именуют Библиотекой/ состоит из неопределенного, а быть может и бесконечного числа шестиугольных балконов, снабженных посередине большими вентиляционными люками и обрамленных низкими балюстрадами. С каждого из этих шестиугольников, насколько достигает взгляд, видны верхние и нижние этажи Библиотеки. Размещение балконов неизменно. Двадцать пять полок, по пять на каждой стороне шестиугольника, покрывают все стены, кроме одной; их общая высота, совпадающая с высотой самого этажа, не превышает высоты полок в обычной библиотеке. Свободной историей высотой балкон выходит в узкий коридор, который упирается в другой балкон, похожий на первый и на все остальные. Направо и налево от коридора расположены два маленьких помещения. Первое из них позволяет спать стоя, второе - удовлетворить естественные потребности. Посредине между этими двумя помещениями проходит винтовая лестница, чей спуск и подъем теряются из вида. В коридоре имеется зеркало, добросовестно удваивающее все явления. Многие заключают отсюда, что Библиотека не бесконечна; ведь будь она поистине бесконечна, зачем бы понадобилось это иллюзорное удвоение? Я однако предполагаю тешиться мыслью, что полированные поверхности находятся здесь, чтобы предвосхитить бесконечность и обещать ее... Некая разновидность сферических плодов, называемых "лампы", обеспечивают освещение. Числом по две на шестиугольник они расположены перпендикулярно коридору и испускают свет удовлетворительный, неизбывный.

Подобно всем служащим Библиотеки, в молодости я путешествовал: я совершал паломничества в новых поисках

Мироздание /которое иногда именуют Библиотекой/ состоит из неопределенного, а быть может и бесконечного числа шестиугольных балконов, снабженных посередине большими вентиляционными люками и обрамленных низкими балюстрадами. С каждого из этих шестиугольников, насколько достигает взгляда, видны верхние и нижние этажи Библиотеки. Размещение балконов неизменно. Двадцать пять полок, по пять на каждой стороне шестиугольника, покрывают все стены, кроме одной; их общая высота, совпадающая с высотой самого этажа, не превышает высоты полок в обычной библиотеке. Свободной второй высотой балкон выходит в узкий коридор, который упирается в другой балкон, похожий на первый и на все остальные. Направо и налево от коридора расположены два маленьких помещения. Первое из них позволяет спать стоя, второе - удовлетворить естественные потребности. Посредине между этими двумя помещениями проходит винтовая лестница, чей спуск и подъем теряются из вида. В коридоре имеется зеркало, добросовестно удваивающее все явления. Многие заключают отсюда, что Библиотека не бесконечна; ведь будь она поистине бесконечна, зачем бы понадобилось это иллюзорное удвоение? Я однако предпочитаю тешиться мыслью, что полированные поверхности находятся здесь, чтобы предвосхитить бесконечность и обещать ее... Некая разновидность сферических плодов, называемых "лампы", обеспечивают освещение. Числом по две на шестиугольник они расположены перпендикулярно коридору и испускают свет удовлетворительный, *неизбытый*.

Подобно всем служащим Библиотеки, в молодости я путешествовал: я совершил паломничества в ~~иные~~ поисках

книги; быть может, и в поисках каталога всех каталогов; теперь же, когда мои глаза едва могут разобрать мною написанное, я приуготовляю себя к смерти лишь в нескольких километрах от того шестиугольника, в котором родился. Когда я умру, найдутся благочестивые руки, чтобы сбросить меня с балюстрады; моей могилой станет бездонная воздушная пропасть; мое тело будет долго падать и разлагаться, и, наконец, развеется ветром, вызванным его бесконечным падением. Ибо я утверждаю, что Библиотека нескончаема. Идеалисты доказывают, что шестиугольность помещений есть необходимая форма абсолютного пространства или, по меньшей мере, присущей нам интуиции пространства. Они полагают, что треугольное или пятиугольное помещение было бы непостижимо. /Мистики заявляют, что в экстазе им открывается круглая комната с огромной круглой книгой, чей вогнутый корешок непрерывно тянется вдоль всей окружности стены; но их свидетельство сомнительно, а слова темны: эта циклическая книга есть Бог/. В данный момент, однако, я удовлетворюсь повторением классического определения: "Библиотека есть сфера, центром которой является любой шестиугольник, и поверхность которой недостижима".

На каждой из пяти стен шестиугольника имеется пять полок, на каждой полке стоит тридцать две книги одинакового формата, каждая книга содержит четыреста десять страниц, каждая страница — сорок строк, и каждая строка — около восьмидесяти черного цвета букв. Кроме того буквы имеются на корешке каждой книги; эти буквы не указывают и не предвещают ничего из того, о чем повествуют страницы:

это несоответствие, насколько мне известно, представлялось иногда загадочным. Прежде, чем сообщить свое решение /нахождение которого, несмотря на возможные трагические последствия, вероятно, основное событие всей истории/, я хочу напомнить несколько аксиом.

Первая аксиома. Библиотека существует в этой истине, немедленной и необходимым следствием которой является грядущее бессмертие мира, никто не может усомниться. Человек, этот несовершенный библиотекарь, может, конечно, оказаться порождением случая или злых демонов; но мироздание, с его элегантным изобилием полок, загадочных томов, многообещающих лестниц для путешественников и клозетов для библиотекарей, может быть творением только божества. Чтобы осознать дистанцию между божественным и человеческим, достаточно сравнить те грубые и нечеткие знаки, которыми пятнает обложку книги моя дрожащая рука, с природными буквами, покрывающими ее изнутри: выверенными, изящными, безукоризненной черноты, неподражаемо симметричными.

Вторая аксиома. Число используемых при письме символов равняется двадцати пяти.¹⁾ Это наблюдение позволило триста лет тому назад сформулировать общую теорию Библиотеки и удовлетворительным образом разрешить проблему, которую ранее не удавалось раскрыть никакой догадкой:

1) Оригинал рукописи не содержит ни цифр, ни прописных букв. Пунктуация ограничена точкой и запятой. Эти два знака, пропуск и 22 буквы алфавита дают в сумме двадцать пять символов, достаточно удовлетворительно сосчитанных неизвестным автором. /Прим. издателя/.

это несоответствие, насколько мне известно, представлялось иногда загадочным. Прежде, чем сообщить свое решение /нахождение которого, несмотря на возможные трагические последствия, вероятно, основное событие всей истории/, я хочу напомнить несколько аксиом.

Первая аксиома. Библиотека существует в этой истине, немедленной и необходимым следствием которой является грядущее бессмертие мира, никто не может усомниться. Человек, этот несовершенный библиотекарь, может, конечно, оказаться порождением случая или злых демонов; но мироздание, с его элегантным изобилием полок, загадочных томов, многообещающих лестниц для путешественников и клозетов для библиотекарей, может быть творением только божества. Чтобы осознать дистанцию между божественным и человеческим, достаточно сравнить те грубые и нечеткие знаки, которыми пятнает обложку книги моя дрожащая рука, с природными буквами, покрывающими ее изнутри: выверенными, изящными, безукоризненной черноты, неподражаемо симметричными.

Вторая аксиома. Число используемых при письме символов равняется двадцати пяти.¹⁾ Это наблюдение позволило триста лет тому назад сформулировать общую теорию Библиотеки и удовлетворительным образом разрешить проблему, которую ранее не удавалось раскрыть никакой догадкой:

1) Оригинал рукописи не содержит ни цифр, ни прописных букв. Пунктуация ограничена точкой и запятой. Эти два знака, пропуск и 22 буквы алфавита дают в сумме двадцать пять символов, достаточно удовлетворительно сосчитанных неизвестным автором. /Прим. издателя/.

бесформенный и хаотичный характер почти всех книг Библиотеки. Одна из них, которую мой отец обнаружил в шестигольнике из района номер 1594, с первой строки до последней содержала буквы БРХС, повторенные в различном порядке. Другая /ее часто изучают в моей зоне/ представляет собой законченный лабиринт случайных букв, но на предпоследней ее странице имеется фраза "О время твои пирамиды". Всем теперь известно, на одну разумную строку, на одно точное сведение приходятся многие километры бессмысленной какофонии, галиматьи и нелепостей. /Мне знаком один варварский район, где библиотекари отвергли, как пустое суеверие, привычку искать в книгах какой бы то ни было смысл и сравнивают ее с манерой вопрошать сны или спутанные линии ладони... Они согласны с тем, что изобретатели письменности имитировали двадцать пять природных символов, но полагают, что их использование случайно и что книги сами по себе ничего не хотят сказать. Это мнение, как мы увидим, не столь уж нелепо/.

В течение длительного времени верили, что эти непроницаемые для смысла книги соответствуют каким-то утраченным или неизвестным языкам. В самом деле, первые библиотекари, люди весьма отдаленных эпох, пользовались речью, весьма отличной от той, которую мы употребляем сейчас; верно также, что в нескольких десятках километров направо язык диалектичен, а четырехстами этажами выше он становится непонятен. Все это, повторяю, верно, но четыреста страниц одних только БРХС не могут соответствовать никакому языку, каким бы диалектическим иrudиментарным он

ни был. Было высказано предположение, что каждая предшествующая буква может оказывать влияние на последующую и что значение БРХС на третьей строке сверху семьдесят первой страницы отличается от значения БРХС на какой-то другой строке другой страницы; однако это расплывчатое предположение не имело успеха. Тогда начали думать о "криптограммах": в конце концов эта гипотеза стала господствующей, хотя само слово понимается в наше время иначе, чем прежде.

Пятьсот лет тому назад смотрителю шестиугольника, находящегося этажом выше,¹⁾ попалась на глаза книга столь же непонятная, как и прочие, но содержащая почти две страницы сходных по характеру строк, судя по всему годных к прочтению. Смотритель показал свою находку бродячему дешифровщику, который сказал, что эти строки написаны по португальски; другие утверждали, что на идиш. Понадобилось около века, чтобы установить истинную природу текста: речь шла о литовском диалекте языка гуарани с флексиями классического арабского языка. В равной мере расшифровали и содержание: то были некоторые понятия комбинаторного анализа, проиллюстрированные примерами из области переменных с постоянно повторяющимися значениями. Эти примеры и позволили гениальному библиотекарю открыть основной закон Библиотеки. Этот мыслитель заметил, что

1) В прежние времена на три шестиугольника приходился один человек, однако самоубийства и легочные заболевания нарушили это соотношение. Невыразимо грустное воспоминание: мне случалось путешествовать по коридорам и лестницам ночь за ночь, не встречая ни одного библиотекаря.

все книги, сколь бы они ни были различны, содержат одинаковые элементы: пропуск, точку, запятую, буквы алфавита. Кроме того, он провозгласил положение, подтверждаемое всеми путешественниками: "В Библиотеке не существует двух идентичных книг". Из этих непротиворечащих друг другу предпосылок он вывел, что Библиотека всеобща, тотальна, и что ее полки хранят все возможные комбинации из двадцати с лишним орфографических символов /число хотя и большое, но не бесконечное/, то есть все то, что возможно выразить на всех языках. Все— подробная история будущего, автобиографии архангелов, точный каталог Библиотеки, тысячи и тысячи ложных каталогов, доказательство ложности настоящего каталога, гностическое евангелие Василида, комментарий к этому евангелию, комментарий к комментарию к этому евангелию, достоверный рассказ о его смерти, перевод всех книг Библиотеки на все языки, включение всех книг во все книги.

Когда было провозглашено, что Библиотека содержит все книги, первой реакцией оказалась необузданная радость. Люди почувствовали себя владыками нетронутого потайного сокровища. Не было личного или общественного вопроса, красноречивого разрешения которого не нашлось бы где-то, в каком-то шестиугольнике. Мироздание обнаруживало себя обоснованным, внезапно приобретая бесконечные измерения надежды. В те времена стали много говорить об Оправданиях: апологетических и пророческих книгах, которые раз и навсегда оправдывают деятельность каждого человека в мире и оставляют для него чудесные тайны на будущее. Тысячи верующих покинули милые шестиугольники своего детства и

устремились к лестницам, гонимые иллюзорным замыслом отыскать свое Оправдание. Эти паломники ссорились между собой в узких коридорах, раздражались смутными проклятиями, душили друг друга на божественных лестницах, швырялись в глубину туннелей книги, обманувшие их ожидания, погибали, преследуемые людьми из отдаленных районов, потеряли разум... Безусловно, Оправдания существуют /я сам знал двоих, которые соотносили себя с какими-то персонажами из будущего и, видимо, не без оснований/, но искатели не учли того, что вероятность найти свое Оправдание и даже какой-нибудь обманчивый его вариант, близка к нулю.

В ту эпоху надеялись также на прояснение фундаментальных тайн человечества: происхождение Библиотеки и Времени. То, что эти важные тайны можно объяснить одними человеческими словами, нельзя считать невероятным: если ^{ОВ} языка философии для этого окажется недостаточно, то в многообразной Библиотеке отыщется необходимый язык со словарями и грамматиками. Вот уже четыре века люди, подчиняясь этой надежде, терзают шестиугольники... Имеются и официальные искатели, называемые "инквизиторы". Я видел их при исполнении своих служебных обязанностей: они всегда приходят изнуренные, рассказывают о лестнице без ступеней, которая едва их не убила, говорят с библиотекарем о балконах и лестницах, иногда берут ближайшую книгу и просматривают ее в поисках неприличных слов. Видимо, никто из них не надеется ничего открыть.

На смену упрямой надежде пришла, как обычно, чрезмерная депрессия. Уверенность, что некая полка некоего шестиугольника хранит драгоценные книги и что эти драгоценные

книги непостижимы, показалась почти невыносимой. Одна кощунственная секта призывала всех прекратить поиски и заняться перемешиванием букв и символов до тех пор, пока не удастся реконструировать эти канонические книги посредством непредвиденной благосклонности случая. Власти оказались перед необходимостью применить самые жестокие меры. Секта исчезла; но во времена моего детства я видел стариков, которые подолгу скрывались в клозетах и маленькими металлическими дисками на донышке запрещенного рожка ~~бактерий~~ беспомощно подражали божественному беспорядку.

Другие, напротив, уверовали, что главное - это уничтожить ненужные книги. Они захватывали шестиугольники, предъявляя иногда подлинные официальные разрешения, перелистывали со скучающим видом один том и осуждали целые полки: именно их гигиеническому аскетическому рвению мы обязаны теперь небезызвестной утратой миллионов томов. Их имя стало ненавистно, но те, кто глаголет о "сокровищах", уничтоженных их неистовством, пренебрегают двумя общезвестными фактами. Во-первых, Библиотека столь огромна, что любой ущерб, причиненный ей человеком, бесконечно мал. Во-вторых, хотя каждый экземпляр уникален и незаменим, в тотальной Библиотеке всегда существует несколько сто тысяч несовершенных факсимиле, отличающихся от соответствующей книги одной-единственной буквой или запятой. Вопреки распространенному мнению, я осмеливаюсь предположить, что последствия чисток, совершенных Чистильщиками, были преувеличены ужасом, порожденным их фанатиз-

мом. Ими владела бредовая идея - заполучить из помещения, называемого "Алый Шестиугольник", химерические книги карманного формата, всемогущие, иллюстрированные и магические.

До нас дошло еще одно суеверие тех веков: так называемый Человек Книги. Как думали тогда, на некоторой полке некоторого шестиугольника должна находиться книга, представляющая собой ключ и совершенное резюме всех остальных книг; существует библиотекарь, который знает эту книгу и который напоминает Бога. В языке моей зоны до сих пор сохранились следы культа, посвященного этому далекому служащему. Для его розысков было организовано множество паломничеств, которые на протяжении века шли в самых разных направлениях. Как определить местоположение почитаемого таинственного шестиугольника, в котором он обитает? Кто-то предложил метод регрессии: чтобы определить местонахождение книги А, следует обратиться сначала к книге В, которая укажет место А; в свою очередь, чтобы определить местонахождение книги В, следует обратиться сначала к книге С, и так до бесконечности. На подобного рода авантюры я и сам растратил немало сил, истощил свои годы. Верно, что на какой-то полке мироздания эта всеобщая книга должна существовать;¹⁾ я молю неведомых богов, чтобы человек

1) Я повторяю: для того, чтобы книга существовала, достаточно, чтобы она была представима сознанию. Исключено только то, что невозможно. Например, никакая книга не является в то же время лестницей, хотя безусловно существуют книги, которые обсуждают, отрицают и доказывают такую возможность, и книги, структура которых имеет нечто общее со структурой лестницы.

пусть хоть один человек за тысячи лет- смог найти ее и прочесть. Если мудрость, радость и честь не суждены мне, пусть они достанутся другому. Да будет небо, даже если мое место- в аду. Пусть я буду оскорблен и уничтожен, но пусть хоть в одном существе, на одно мгновение Твоя гигантская Библиотека оправдает себя.

Некоторые нечестивцы утверждают, что бессмыслица-закон Библиотеки, и что осмысленные или хотя бы отчасти связанные отрывки суть исключение, близкое к чуду. Насколько мне известно, они говорят о "лихорадочной Библиотеке", чьи неупорядоченные тома непрерывно подвергаются риску преобразоваться в другие и утверждают, отрицают и путают все, словно божество, ставшее добычей бреда". Эти слова, которые не только обличают беспорядок, но и иллюстрируют его, заведомо демонстрируют низменный вкус и безнадежное невежество. В действительности, Библиотека содержит все словесные структуры, все вариации, допускаемые при двадцати пяти символах, но отнюдь не абсолютную бессмыслицу. Тот факт, что лучшие тома из многих шестиугольников, которые я посетил, имели своими названиями "ЛОТИ КИРР", "ФЕНЕБЕНЕ УКОГАУВ" и "ИФ ХОХ МАК ХОХ" едва ли что-нибудь доказывает. Эти бессвязные, на первый взгляд, фразы безусловно поддаются криптографическому или аллегорическому истолкованию, которое является словесным и, следовательно, находится где-то в Библиотеке. Я не могу скомбинировать никакой последовательности знаков, например, АББАЙ - АББА , которой божественная Библиотека уже бы не предусмотрела; на каком-нибудь из ее тайных языков эти буквы без сомнения заключают в себе ужасающее значение. Никто

не может произнести слова, который не был бы преисполнен нежности и ужаса, который не был бы где-нибудь могущественным именем Бога. Говорить - значит впадать в тавтологию. Это ненужное и растянутое послание, которое вы видите перед собой, уже существует в одном из тридцати томов на одной из пяти полок одного из бесчисленных шестиугольников - равно как и его опровержение.¹⁾

Методическое изложение счастливо отвлекло меня от нынешних условий человеческого существования. Уверенность, что все уже написано, уничтожает людей или превращает их в призраки... Мне известны районы, где молодые люди простираются лицом перед книгами и варварским образом целуют их страницы, хотя не умеют прочесть ни одной буквы. Эпидемии, религиозные споры, паломничества, неизбежно вырождающиеся в бандитизм, сильно сократили численность населения Библиотеки. Я, кажется, уже упоминал о самоубийствах, учащающихся с каждым годом. Возможно, я заблуждаюсь по причине своей старости и страха, но я подозреваю, что человеческий род - единственный из существующих - близок к угасанию, в то время как Библиотека пребудет в веках: освещенная, заброшенная, абсолютно неподвижная, полная драгоценных книг, неподвластная порче, бесполезная, таинственная, бесконечная.

Только что я написал "бесконечная", употребив это

1) Некоторые возможные языки пользуются одним и тем же словарем: в одном из них символ "Библиотека" получит правильное определение "универсальная и перманентная система шестиугольных балконов", но будет означать в нем "хлеб" или "пирамиду", или еще что-нибудь, а шесть слов, составляющих ее определение, будут также иметь другие значения.

прилагательное отнюдь не в порыве риторического увлечения: я утверждаю, что мыслить Библиотеку бесконечной вполне логично. Чтобы ее считать ограниченной, необходимо постулировать, что в некоторой отдаленной области коридоры, лестницы и шестиугольники могут прерваться — а это непостижимо и абсурдно. Однако, ее неограниченность еще не означает, что возможное число ее различных книг бесконечно. Я осмеливаюсь предложить следующее решение этой старинной проблемы: Библиотека неограничена и периодична. Если бы нашелся вечный странник, готовый пересечь ее в каком-нибудь направлении, он обнаружил бы через века, что одни и тоже тома повторяются вечно в одном и том же беспорядке (который, будучи повторен, превращается в Порядок). Мое одиночество находит утешение в этой элегантной надежде.
